ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ

А.Н. Радищев

Письмо о китайском торге[1]

A. N. Radishchev

Letter on the Chinese Trade

От редакции

В 1792 году, находясь в илимской ссылке, Александр Николаевич Радищев (1749–1802) завершил свою работу «Письмо о китайском торге». Этому человеку, автору знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву», суждено было стать глубоким исследователем экономики Сибири. Находясь в удалении от столиц, он создал один из первых в отечественной науке критических анализов кяхтинской торговли — главного канала русско-китайских отношений XVIII века. В 1791 году, еще в Тобольске, Радищев в переписке с графом А.Р. Воронцовым, президентом Коммерц-коллегии, высказал парадоксальную мысль: «Пресечение торга в Кяхте с Китайцами не есть столь великая для Государства потеря, как оно кажется». По прямому поручению Воронцова, стремившегося занять пытливый ум ссыльного друга практическим делом, Радищев и написал это «Письмо». Вопреки мнению современников, видевших в остановке торговли причину падения курса рубля и упадка Сибири, Радищев доказывал, что временное закрытие не ведет к катастрофе, а в некоторых отношениях стимулирует внутреннее производство (льняных тканей, кожевенных заводов) и земледелия, а внешняя торговля не должна быть единственной «опорой государственной силы». «Российское китаеведение» публикует сегодня это выдающееся сочинение, которое и спустя два с лишним века поражает неожиданностью выводов и смелостью мысли.

[1] Текст публикуется по изданию: А.Н. Радищев. Полное собрание сочинений в 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. Электронная публикация – РВБ, 2005–2006 (http://az.lib.ru/r/radishew_a_n/text_0090.shtml). Оригинальная орфография и пунктуация автора сохранены.

Милостивый Государь мой!

В некотором из прежних моих писем к В[ашему] С[иятельству] из Тобольска мною писанных, я сказал, что пресечение торга в Кяхте с Китайцами не есть столь великая для Государства потеря, как оно кажется, и что из самого сего зла, (если его почитать должно таковым) произойти может добро. Я сие говорил, будучи отдален от того места, где оной производится, более нежели 3 000 верстами. Ныне, находяся же в том месте, где происходят все почти бываемые в сем торге обороты, я лучше могу судить о том, что изрек сперва, следуя тогда некоему, так сказать, предузнанию. Если бы прежнее мое письмо писал я в Иркутске, то бы, может быть, употребил изречение более ограниченное, многих ради причин, кои в последствии моего письма объявить постараюсь. Но сказанного мною не только не отрицаю, но постараюсь оное подкрепить доводами, основанными на существе самой вещи и в положениях непреложных. А заранее скажу я, что если есть много частной потери остановлением торга на Кяхте, то конечно отнести ее надобно на Губернию Иркутскую. Если же сие противоречие есть моему объявленному прежде мнению, то признаюсь в моей погрешности: ибо всегда охотно признавался в моих ошибках и суждения мои за непреложные никогда не выдавал. Хотя мнения мои относительно многих вещей по несчастию моему стали более известными, нежели тщеславие быть сочинителем иногда требует, но я признаюсь в превратности моих мыслей охотно, если меня убедят доводами, лучше тех, которые в сем случае употреблены были. А на таковые я в возражение, как Автор, другого сказать не умел, как что сказал, помню, что Галлилей отрекся от доказательств своих о неподвижности солнца, и, следуя глаголу Инквизиции, воскликнул вопреки здравого рассудка: солнце коловращается.

Истина, доказательств, кажется, нетребующая, есть, что в Государстве, изобилующем своими произведениями, корень общественного благосостояния основывается на беспрепятственном и скором обращении домашнего избытчества; следственно внешняя торговля, хотя и может быть единым от источников его богатств, но не может посему никогда почесться необходимою Государственной силы и могущества опорою, а потому кажется в пользе общественной может заменена быть тем или другим, а особливо тогда, когда отрасль таковой торговли мало надежна, подвержена частым потрясением, и зависит от благорасположения того, с кем торгует. Таким точно должно почитать торг на Кяхте, с Китайцами производимый; он не есть основание благосостояния обширной Сибири, может иногда заменяем быть другими выгодами, при производстве его несуществуемыми; может противовеситься тем или другим прибыткам Государственным и долго будет зависеть от каприза Китайского Богдыхана или его Мандаринов. Но сии предложения не могут иначе иметь некоторую степень вероятности или правдоподобия, как в глазах тех, кои прибыль казенную не почитают никогда прибылью Государственною. Однако же сие размышление в счету у нас кажется быть не может, ибо мы видели, что и при последнем закрытии торга на Кяхте, лучше желали лишиться казенного дохода, нежели нарушить Государственное положение, нежели... что бы то ни было, доходов Кяхтинской таможни не пожалели и торг пресекся.

Два мнения существуют между политическими писателями о внешнем торге; оба хотя клонящиеся к одобрению оного и расширению, но разных предположений суть

они заключения и разные из оных истекают следствия. Говоря с мужем, упражняющимся всечасно в исследованиях различных мнений, до строительства Государственного касающихся, мне не надлежало бы о том говорить пред тем, которому выгоды и пользы России больше моего известны, мне надобно бы молчать, но вы не почтете тщеславием, если я скажу то, что в какой либо написано книге, для облегчения моея головы, отвыкшей от силлогизмов; что же касается до познания выгоды и пользы Государственной, учитель не простит ли ученику своему, если что он сбредит и дважды два скажет иногда пять.

Новейшее мнение писателей о внешней торговле есть таково, чтобы свобода оной была ни чем неограниченна.

Мнение других есть стародедовское и во всеобщем почти употреблении. Я говорю не о той старине, когда с приехавшего гостя хозяин брал по своему произволению и силе, когда не было пощады самому бедствию, когда остатки кораблекрушения алчной спасатель присвоял себе все, в мокрой пучине непогрязшее без остатку. Не о сем рыцарских времен мнении мое слово, но то стародедовское, когда начали откровенных наглостей стыдиться, но когда еще не истребилося желание кормиться из общего кармана, неприметным образом гладя по головке, полегоньку, как будто всяк дает из добрыя воли непринужденно. Гнушаяся насильственных и явных притеснений, но не отчуждаяся древния прибасочки: всяк в своем доме хозяин, отчасти писателями, отчасти употреблением в общее вошло обыкновение торг всегда подвергать некоторым правилам, и с торгующим или паче с употребителей, с едаков, пивцов и прочих учреждать, за дозволение употреблять то или другое, поборы. Итак, кажется, между старым рыцарским всеграбительным и новым, не меньше рыцарским, ни до чего не касающимся, мнениями желали найти посредство; многие думают, нашли. Изданы постановления, учреждения, тарифы и весь таможенной причет. Англия с 8 миллионами жителей с таковыми учреждениями поставила себя в число первостатейных Государств в Европе; но Англичане сами ныне говорят и пишут, что все преграды в торговле вредны: ибо она непременно сама себя содержит всегда в неизбежном равновесии.

Если бы мы захотели следовать новейшему мнению относительно внешней торговли, то возобновление торга с Китайцами выходило из оного естественным следствием. Но как оное в России в строительстве Государственном не принято, не приемлется и принято быть не может, то, следуя противному мнению, посмотрим, чего Сибирь и Россия пресечением торга с Китайцами лишается, какие суть выгоды сего торга, что может, в несуществовании оного, те выгоды заменять или что приобретает, и какие суть его следствия.

Если истинно вообще, что внешняя торговля не есть корень благосостояния Государства, какова Россия, то сие равным образом истинно в отношении Сибири в торгу с Китайцами. Но при первом взгляде покажется, что изъятие для Сибири из сего правила долженствует иметь место: ибо если первое начало всего благосостояния есть земледелие, что о России едва ли не повсеместно сказать можно, то неупражняющиеся в оном целые округи Сибирских губерний не иным чем питаются, как промыслом звериным; благосостояние оных следственно зависит от добычи и продажи. Но если бы продажа таковая была к одним Китайцам, то бы торг с ними был необходим. Но в

семь лет пресечения оного, да и прежде в подобных же случаях, промыслы таковые не умалилися и промышляющие, продавая свою добычу, в оной всегда находили свое пропитание. Но оставим всеобщие правила приступим к самому существу дела.

Три рода людей участвуют обыкновенно в торгах всякого рода, имеют от оных свое пропитание или оными приобретают богатства. (Изъятия из сего быть могут, но редки). Первые суть производители вещей или товаров, коими торг производится; другие те, кои товар приводят в обращение, то есть: покупатели или продаватели; третие те, кои, не участвуя в собственности вещи, или с оною временно обращаются. Но из сего не надлежит заключать, чтобы всякой торг проходил чрез трои руки. Иногда сам производитель есть и продавец товара и доставляет его в место его употребления. Иногда товар пройдет чрез десять рук, но все его прохождения к действию трех родов людей, или к троякому деянию людей, сколько бы их ни было, и так люди, которые с товаром обращаются, суть оного стяжатели или имеют товар в руках временно. Первые суть деятели торга и оного побуждения; другие токмо пособия, и чрез сколько рук товар пройдет, толикому числу людей даст он упражнение. Обыкновенно, хотя и бывает изъятие, чрез сколько рук товар пройдет, толикократно он усугубится, не в количестве своем или доброте, но в цене, или сказать другими словами: чем товар более пройдет рук, тем он становится дороже. Подобно, как Грецкая губка, чем более касается воды, тем становится толще, доколе мера содержащейся в ней воды не найдет в ней места: так и товар, чем более расстоянием между производителя и употребителя, тем товар прибыточнее, не то, что от него более барыша, но что большому числу дает пропитание. Вся цена товара бывает в тягость употребителю оного и ему в убыток: ибо он его или истребляет или пресекает его дальнейшее обращение. Вся прибавочная цена товара есть прибыль всем тем, чрез чьи руки оной проходил: ибо истинная его цена, или то, во что оной стоит или производителю или продавателю и покупателю, или тому, кто его временно имеет в своих руках, никому в прибыток быть не может; потому что первой оного производитель, производя его, имел в произвождении ущерб своего имущества; равно и все другие, продавая его или покупая, или же с ним обращаяся, ущерб в имуществе своем имели. Сие относиться долженствует на всех, кои дают на произведение вещи задатки; напр.: земледелец держит скот, орудие, семена и пр.; - фабрикант строит строение, припасы; - купец берет деньги в рост и пр.; - извозчик держит лошадь, корм, промышленник тоже. Следственно, прирастающая цена товара обращается в прибыток; следственно, чем больше ее приращение, или чем товар дороже становится, тем больше от оного прибытка. А чем более сей прибыток делится, тем оно полезнее: ибо большее число людей имеют от того свое пропитание или умножение имущества: следовательно, чем товар проходит более рук, тем он более делает прибытка и тем от него более пользы. Но сей прибыток делится между участвующими в оном очень неравно. И потому можно людей, в торгу обращающихся, разделить на две статьи: те, которым товар принадлежит, и те, которые имеют его в руках своих временно. Удел первых в прибытках, от торгу бываемых, есть больше, а последних меньше. Итак первые суть деятели в торгу, другие суть оного только пособия. Удел в прибытке оного торга сих последних бывает всегда меньше первых, но и убытки их не могут быть велики, а как то, с чем они обращаются, не есть их собственность, то, лишаяся оной, они не лишаются всегда пропитания

своего: ибо труды свои прилагают к другой вещи. Совсем другое действие лишения того, от чего прибыток свой имели, бывает в тех, кому оное принадлежит; тогда тот, у кого товар в руках останавливается, уподобляется употребителю: ибо он, хотя невольно, но обращение вещи, останавливает, и нередко в руках его она, теряя свою доброту, теряет свою и цену. Но действие лишения прибытка наиболее падает на производителя оной: ибо покупатель и продавец и все другие, с вещию или товаром обращающиеся, лишены могут быть своего только прибытка, а капитала только временно и случайно, но производитель лишается своего ремесла или художества, когда в нем не настоит нужда и не так, как другие, искусство свое на другой предмет обратить не может, разве в долговременном последствии.

Извините, М[илостивый] Г[осударь], что я здесь предпослал несколько общих изречений; я не правила какие хотел утверждать или же какие-либо извлекать следствия; я сделать только хотел пособие моим мыслям, дабы не заблудить в моих суждениях.

Если мы вышесказанное мною обратим на торг с Китайцами, то удобнее можем понять оного прибытки и неудобства и заключить прежними словами: пресечение оного не есть столь великой вред для России, как то обыкновенно поставляется.

Дабы наиболее вникнуть в предлежащее нам, познаем, чем торг с Китайцами питается со стороны России, чрез какие он до них доходит протоки; все ли они Государству в прибыль, или не найдется ли чего-либо, охуждению подверженного. С другой стороны, посмотрим, чем тот же торг питается с стороны Китайцов, в какие он обращается протоки и не встречается ли ему что на пути, чему он вредить может.

В торгу заграничном обыкновенно находим мы две различные статьи товаров. Одна есть всегда необходимая и составляющая основание торга, другая всегда почти случайная, нередко переменяющаяся и пресекающаяся иногда без всякого в торгу потрясения и обременения. В первую статью входят те товары, которые покупателям, если не нужны необходимо, то по крайней мере трудно они без оных обойтись могут. Таковые товары продаются всегда большими статьями, и в сумме всего торга почесть можно становыми, так сказать, статьями и всего торга основанием. Второй же статьи товары суть отрасли первых и отрасли, ко пню принадлежащие временно, и суть все те, без коих покупатели или совсем, или легче обойтися могут.

Основание всего торга с Китайцами есть мягкая рухлядь, разного именования, частию юфть и другие кожи. Предо мною лежит теперь ведомость без году отпущенным в Китай товарам. В[аше] С[иятельство] довольно знаете, коликую степень вероятности все таможенные ведомости иметь могут. Погрешности Кяхтских покажу после; но за неимением лучших исчислений обыкновенно они бывают основанием. Сумма всех отпущенных товаров показана в оной 650.898 руб.; исключим из оной суммы за отпущенные: 1, белки, мерлушки и за юфть и другие на 119.937, 123.337, и 101.656; останется за все другие товары 302,968, меньшая половина. Исключим еще из сего цену: 2, горностаев, кошек, харьков, солончаев и соболей, то есть 41.891, 28.449, 45.470, 29.025, останется 158.133. Все другие, да и самые дорогие бобры Камчатские и черные лисицы, сиводушки и чернобурые, суть мелочное, а если исключим еще статью 3, сукон (все почти иностранные), то останется с небольшим 100.000. В остальном сем числе меньшая половина, то есть 4, - 40.559 руб. за бобров и лисиц. В остальном главное место занимает 5, выхухоль, лапы разных зверей, песцы, рога

и струя кобарговая, ценою на 36.212. Остается статья 6, котиков 5.637, зеркал 5.101 руб., числом 40.944; прибавив к сему статьи ишиченок 7, - 1.416 руб., корсаков 2.577, лоскутов и мехов разных на 2.234 руб. и тику на 1.979; а всего на 8.196, то в остальных почти семидесяти еще статьях нет ни одной тысящной.

Из сделанного мною расписания можно судить, что дает Сибирь к сему торгу, что даст Зауральная Россия и что берется из чужих краев.

Сибирь дает белку, к чему прибавляется малое число Российской юфти; один почти Иркутск - козлы и опойки, частию из России получают горностаев, соболей, харьков и солончаев, выхухоль, лапы песцов, рога и струю, и все означенные в последней 7 статье, исключая тик: следовательно, большую половину то есть 380.418. Россия и частию Сибирь же дает мерлушек, {Лучшие мерлушки за Байкалом по 70 и 80 копеек.} кошек и тик, ценою всего на 153.765; бобры и лисицы и котики суть частию Сибирские, но большею частию или, сказать правильнее, больше по цене получаются из Охотска, заморского лова, всего 46.196. Из иностранных товаров отпускаются сукна и частию Российские зеркала, ценою на 46.937 р.; но сколь мне известно, отпускаются много иностранных бобров и выдр, которые здесь не показаны, то они или совсем выпущены, что невероятно, или же переименованы кошками, что в таможенном быту случается.

Из вышесказанного росписания видно, что большая часть товаров, в мене с Китайцами употребляемая, суть таких, которые добываются в Сибири, таких, которые суть произведение кочевой жизни. 1/5 скотоводства, 1/10 собственного рукоделия или настоящего общественного упражнения (я конечно, того мнения, что надлежит удобовозможное извлекать на пользу жителей, но не надлежит иметь попятной путь к невежеству).

Люди, временно с товаром обращающиеся, суть или приказчики или извозчики, или приемлющие товар в сохранение или дающие кладовые под поклажу. Чем скорее обращение товара, тем прибыль их чаще, тем она и больше. Чем товар рассеяннее, чем более пространства и места отдаленнее, откуда его достают, тем больше нужды в приказчиках. Чем мгновенее в товаре нужда, тем его надлежит везти поспешнее в то место, где его требуют, тем клади бывают легче, тем больше подвод, тем больше бывает прибыль извозчиков, а в том и другом случае тем больше людей кормится. Но число приказчиков по сему торгу разве умножится для того, что число умножится торгующих; а не по числу товара: ибо его столько добывают, сколько возможно.

Следует, что Кяхтской торг не по мягкой рухляди может размножить число приказчиков.

Приказчиками купеческими можно почитать закупщиков, живущих по деревням.

Прибыль извоза, от мягкой рухляди происходящая, да и вообще, не столь велика, как то думают. Если, как то мы увидим, пресечение торга на Кяхте лову зверей не умалило, то барыши от извозов те же, что были. Но как то вероятно, что при открытии торга купцы чаще бывают в разъезде для закупки товаров, то сие обращается в отягощение сельских жителей. Все в Сибири ездят на почтовых и по несчастию на одинаких прогонах. Жители отвлекаются от своего дела. А те, которые ямщиков нанимают, те дороже за то платят, что проезд чаще.

Вторая статья, торг на Кяхте питающая, видели мы, есть произведения скотоводства, мерлушки и кожи, а сии суть совокупно и произведение рукоделия. Мерлушки,

на Кяхте променяваемые, привозятся или из России или выменяваются на линиях в разных крепостях на Российские или иностранные товары у Киргизцов. Привозятся они большею частию зимою. Все извозчики, которые товары возят из России, провозят они тысячу, полторы или более верст от Томска до Иркутска обыкновенно одни.

Совершенно правда, если Китайцы не выменяют мерлушек, то они останутся на руках; и кажется будет убыток. Но да позволится мне сделать догадку; не вероятие я утверждаю, но возможность.

Для чего запрещается торг хлебом, когда его у самих мало? Но для того ли, чтобы он дома был дешевле и чтобы его было больше? Конечно. Кто же ручается мне, что Кяхтинской торг не заморозил кого-либо, лишив покупки шубы по дешевой цене того, у кого мало денег. Не дороже ли от того мясо, когда его меньше? Не больше ли его, когда дашь барану вырости и не убьешь его ягненком? Не то же ли можно сказать и о сале? {Кто поверит, что выгодные цены сала и распространившийся торг сим товаром заставил многих немощных жителей Петербурга говеть на святой недели; таково действие торга, яко электрическая сила пробегает все ведучие ее тела до краев.} Но все сказанное суть догадки, а не исчисление, за такие их и выдаю.

Разное можно оказать и о кожах или юфтях: пресечением торга на Кяхте терпят совершенно Иркутские кожевни. Кажется, имеет и скотоводство Братских в том убыток. Но если помыслим, что все Сибирские жители носят обувь кожаную и что еще в самое пресечение торга она ныне в Иркутске дороже, нежели в Москве, а может быть и в Петербурге; то тот, кто имеет нужду в ней, если терпит ныне, более потерпит от возобновления торга.

Следует статья товаров иностранных. Купленные в Петербурге и Архангельске, они доставляются частию водою, частию на санях, или на Ирбитскую ярмонку, или Енисейскую, или же прямо в Иркутск. Польза от них Государству - только прибыль купеческая и всех других, временно с товаром обращающихся.

Теперь посмотрим то, что нам Китайцы дают, и разделим вещи нужные или, как то мы их назвали, товары становые от других: главные товары, от Китайцев получаемые, суть бумажные товары, чай и шелковые товары. В числе первых находятся китайки и дабы, первые употребляемые на платье, другие на рубахи, на подкладки и во все то, куда употребляют холст. По ведомости, которая теперь лежит передо мною, выменено китаек разных званий на 695.018 руб., даб на 87.488 руб.; всего бумажного товара на 794.784 руб.; бумаги же хлопчатой немного более 45 пуд (хотя она по Сибирскому тарифу положена без пошлин столь справедливо, что нужда заставляет брать или не брать товаров, а не высокая и не низкая пошлина); чаю разных родов 27.042 пуда на 331.646 руб., в том числе кирпичного 15.359 на 61.437 руб.; хотя я мало верю сему исчислению, что почти половина всего чая выходит так называемого кирпичного; шелкового товара на 79.067 руб., да 1.219 пуд шелку по цене на 80.000 или до 100.000 рублей, в ведомости же стоят показаны только 17.706 руб. цена шелку сученого; а всего шелкового товара от 150.000 до 180.000. После сих главной статьи товаров составляют сахар леденец, которого на 10.725 руб., да 31 пуд сахарного песку, посуды разной на 5.375 руб. корольков и декрю или бисеру на 5.475 руб., фруктов на 1.509; остальная часть товаров состоит из мелочей ниже тысячи. Жемчуга на 270 руб. и несколько золота и серебра.

Из сего исчисления можем видеть, что бумажные товары, из Китаяг вывозимые, составляют главную оных статью и 2/3 почти всего торга, за ними следует чай, более нежели на 1/4 всей суммы торга. Потом шелковой товар и шелк.

В числе бумажного торга заключаются китайки на 7/8 цены и дабы на 1/8 часть. Китайки, по дешевизне своей, употребляются не токмо в Сибире, но и во всей России людьми среднего состояния, а наипаче женским полом; дабы же все расходятся в Сибири и в России почти неизвестны. Весь градской и сельской народ употребляет их на рубахи; те, которые позажиточнее, на вседневные, прочие же на праздничные.

О повсеместности употребления чая я говорить нужды не имею. Сколь все в России к нему сделали привычку, то всякому известно: но того утвердить не отваживаюсь, чтобы чаем производим был торг с Польшею. Хотя в пограничных таможенных ведомостях и показывано, что чай вывозят за границу в нарочитом количестве, но вам известно, сколько прежние ведомости вероятия заслуживают. Кирпичной чай, которого хотя не столько по цене, но количеством (если моей ведомости верить можно) выходит больше, нежели всех лучших сортов, в Россию нейдет, а расходится весь в Сибири и преимущественно в Иркутской губернии и больше употребляем Бурятами и Русскими, живущими за Байкалом; без чаю пропитались выведенные из Польши, не пьют.

Между шелкового товара главная статья суть камки или голи, которых по цене выходит больше половины всего шелкового товара. Хотя они еще употребительны быть могут придерживающимися старинных мод, но вероятно скоро выдут из употребления. Камки расходятся много в Сибири и много идет в Россию. Вторая главная статья между шелковыми товарами суть фанзы, которые почти в Россию не отвозятся и расходятся все в Сибири. Большею частою употребляют их на рубахи, то есть: на верхнюю половину оной. Те, которые носят из даб рубахи вседневные, оне носят в праздники рубахи фанзовые.

Но важнее всего есть статья вывозимого шелка. Если полезно благоспоспешествовать рукоделиям без разбору, то шелковым тканям надлежит отлично. Шелковые рукоделия в России тем полезнее, что большею частию производятся сельскими жителями и на их счет. Тот же человек, которой летом управляет сохою и косою, тот же зимою сидит за шелковым станом. Обыкновенные манифактуры, не исключая Английских и Французских, полезны тем, что дают пропитание многому числу бедных граждан и за каждыми 200, 300, 500 или 1000 человек, получающих хлеб насущный, обогащают одного или двух граждан; но шелковое рукоделие, как то оно в Московской губернии существует, не обогащая ни одного, многим частным, и большею частию сельским жителям, доставляет довольственное житие. И так, если мы исключим Астрахань и Петербург и очень в малой пропорции Иркутск, которые издерживают малую часть всего в России из Персии, во время торга из Китаю, и малую часть из Италии привозимого шелка, все оного количество расходится в Московской губернии.

Позвольте здесь, хотя не к стати, присовокупить небольшое размышление о Китайских шелковых товарах.

Когда пролетит временная мода на белое женское платье, то шелковые материи войдут, конечно, опять в величайшее употребление. Оставим то, что ныне можно бы заводить (если Лион уже опустел на счет разоряющих безначалием своим рукоделия

свои) шелковые мануфактуры; можно гораздо лучше иметь в России хорошие шелковые материи. Уже опыты были деланы с немалою удачею; давать Китайцам образцы шелковых товаров, которые они подделывают совершенно: и вероятно при низком ныне курсе и редкости серебреных денег. Китайские шелковые товары можно продавать в подрыв Европейским.

Если же бы заказывающие присовокупили к сему и форму Европейскую, то бы обманутый покупщик в свою пользу охотно бы покупал прочные товары Китайские за Французские непрочные. Мы довольно в том удостоверяемся ежечасно в общежитии, что доброта не только товара, но и моральных вещей основывается на мнении; кто не знает, что за Русское произведение вещь у вас охуждается; дай той же вещи имя Французское и вещь конечно одобрена. Кто постигает связь понятий, тот легко видит, что возродиться может в Российских головах от Французских мод!

После сих трех главных статей, можно еще на ряду поставить вывозимой из Китая сахар. Количество его невелико и он весь расходится в Сибири, но, по нынешней дороговизне сахару, возможно, что его будут отвозить и в Россию.

Посуда, из Китая вывозимая, а особливо так называемая чайная и фарфоровая, могла бы большей иметь расход, если бы была делана со вкусом и была бы покрепче. Давая им образцы, можно также иметь хорошую. Вся сия посуда расходится большею частию в Сибири, также как и корольки, которые частию продаются на линии Киргизцам.

Достальные статьи товаров, числом до 50, невероятно, чтобы могли когда распространиться, не исключая и самого ревеня, ибо дороговизна его воспрепятствует иметь оным нарочитой торг с Европейцами. За неимением в России фруктов, торг оными мог бы распространиться, но и то не чрезвычайно. Цены высокие, по которым перец, сарочинское пшено и стамед покупаются от Китайцов, воспрепятствуют распространению сего торга; тож сказать можно и о табаке, которого очень низкие цены могли бы подорвать изрядные рассадки сего растения в Иркутской Губернии.

Достигнув Иркутска, товары Китайские, назначенные для отвоза по Сибири или в Россию, отправляются летом водою, зимою на санях. Судов, оными товарами нагруженных, в год выходит от 15 до 20. Они плывут Ангорою или Тунгускою, до Енисея по течению воды, а потом вверх до Енисейска. Тут, выгрузив их, перевозят волоком 90 верст на реку Кеть и плывут по течению воды Кетью до Оби, потом Обью до устья Иртыша, где против воды идут до Тобольска: редкие товары отправляют прямо до Тюмени или Туринска водою. Из Тобольска отвозят сухим путем зимою в Москву, или в Пермь, откуда по вскрытии вод плывут Камою и Волгою до Макарья. Редкие отправляются с Уткинской пристани на судах до Иркутска; из России или Тобольска мало плавают водою. От Макарья суда доходят до Перми, оттуда сухим путем до Тюмени и Тобольска. Из Тобольска же товары, назначенные для Китайского торга, более возят сухим путем, по той причине, что большею частию плыть надлежит против воды, исключая течение Иртыша и немного Енисея. Однако же некоторые отправляют товары свои до Томска водою. Из Енисейска до Иркутска водою плавать не очень способно; ибо Тунгуска или Ангара имеет очень быстрое течение и до 70 порогов; плавая вниз по сей реке, на одном из сих порогов, называемом Падун, суда принуждены выгружать и всю кладь обвозить четыре версты сухим путем.

Естественные и непреоборимые причины препятствовать всегда будут, чтобы водяной путь сделался обыкновенным, которым бы производилося сообщение у Сибири с Россиею; пространство великое препятствует судам совершать плавание в одно лето, а зима продолжается семь месяцев в Сибири и воды покрыты льдом. Но время хотя не возможет применить естества, применит население Сибири; образ ее торговли и сообщение водяное между Китаем и Россиею производяся чрез многие посредства, может сделаться непрерывным, хотя медлительным. А паче тогда, когда сухопутная возка будет дорога: ибо купцы Российские будут товар получать чрез Сибирских купцов, которые заведут товарную складку.

Выгоды сельских жителей от торга с Китайцами суть те, что многие будут питаться извозом и от проезда обозов, продавая извозчикам пищу, овес, сено. В Иркутске уверяли меня, что во время торга бывает до 10 тысяч подвод; положить по три подводы или более на человека, будет 3.000 человек, питающихся извозом и хотя 2.000 питавшихся от них сделает 5.000, в другом месте невеликое количество, но в Сибири много. Сии извозы производятся в зимнее время; земледельца от дому не отвлекают. Для Барабинских жителей великая из того выгода. Отдаленные отовсюду, они не могут возить хлеба на продажу и от того бедны. Сверх того купцы и их приказчики ездят часто, всегда на почте и платят хорошие прогоны, то есть дороже 1/4 на версту.

Соображая все вышесказанное, нетрудно будет определить все выгоды, которые от торга с Китайцами произойти могут.

Если мы его поставим в отношении всего внутреннего и внешнего торга России и сравним его с обращением ежегодно производимым в России богатств, то оной столь мал в сем сравнении, что кажется, как малой ручей, которой, теряяся в пространстве моря, не производит в нем никакого движения. И по истине, если возьмем все исчисления в нижайших степенях, то и в сем сравнении он мал несказанно; например: население всего Российского Государства положим в 26 милионов, на каждого из них положим по 1 1/2 четверти или для избежания долей 15 пуд ржаного хлеба; то сделает всего 390 милионов пуд, или около 45 мил. четвертей, по общей цене на 80 мил. руб.; положим столько же ярового хлеба по цене на 70мил. руб. сделает всего употребляемого хлеба на 150 мил. Если мы все другие произведения положим на столько же, то есть на 150 мил. руб., что конечно не много, то сделает 300 мил. руб.

Торг Китайской положив в 3 мил., следует, что произведение Китайского торга содержится к ежегодным произведениям, как 1 ко 100. Я не исчисляю здесь все возможное обращение сих произведений, что конечно без излишества сумму сию удвоит, ибо в таком случае надлежало бы исчислить и все обращения товаров, торг Китайской составляющих, но и в сем случае исчисление не было бы в его перевес. Сделаем поверку сему исчислению, да не покажемся увеличивающими все, вам представляющееся. Сумму всех обращающихся денег в России кажется можно без увеличивания определить на 200 мил. руб. Положим, что каждой рубль только пройдет в год чрез трои рук, или сказать то же другими словами, представит три разные вещи (если вникнем, то найдем, что нередко один рубль 10, 20, 30 и более вещей представляет), то обращение годовое будет 600 мил. руб. Позвольте сделать еще другую поверку. Доходы Государственные положим гадательно, но вероятно, в 40 мил. руб. Если мы их почтем 1/5 всех денежных в Государстве доходов, что конечно не чрезмерно, то

всех денежных доходов сделает 200 мил. руб. или сумма обращающейся монеты; если скажем, что вышед из тех мест, где она собирается, она представит три вещи постепенно, то тоже будет сумма 600 мил. руб.; но обратимся к Китайскому торгу.

Но Китайской торг не к пользе России надлежит относить, но к пользе Сибири или же некоторой ее части, почти только лежащей по сю сторону Енисея: ибо если в уважение поставить, что чай или китайка дешевле будут в России, то на сие сказать можно, что дороговизна чая чувствительна была с начала закрытия торга на Кяхте; по времени все к тому привыкли. Недостаток же в китайке тем только был чувствителен, что к ней многие сделали привычку. По прошествии же 7 лет недостаток сей заменился совершенно.

Я слыхал также, что некоторые думают, будто торг Китайской действует вообще на низкой курс денег и усугубляет торговые обращения. Мы из вышепоказанного исчисления видели соразмерность Китайского торга с общим обращением; сия-то малость и есть причиною, что пресечение сего торга стагнации не делает ни в чем, чувствителен более для роскоши, нежели для недостатка. Какое открытие торга на Кяхте будет иметь действие, не знаю; но мне кажется, кто прямую причину понижения курса скрыть сам у себя не захочет, тот никогда не скажет, что курс понизился от пресечения торга на Кяхте.

Самое кратчайшее доказательство нас в том убедит. Фундаментальная в свете ныне монета есть серебреная или золотая; бумаги есть монета сократительная, медная раздробительная, та и другая суть марки. Следственно, что все торговые исчисления и обороты долженствуют располагаться по цене серебра и золота. Если в одном месте кусок круглой серебра стоит то же, что и в другом, то курс, говорят, равен. Но если в одном месте он стоит больше, а в другом меньше, то курс неравен. Но кусок серебра существа своего для того не переменяет; например: 1 фунт серебра в России и Голландии имеет тот же вес, хотя под разными названиями; и так если возьмем наш рубль и противопоставим его Голландским деньгам, по истинному его весу, то цена его будет в 35 стиверов или немного более. Для чего же ныне за рубль дают 27 и 28 стиверов? Для того, что торгуют не на серебреной рубль, но на бумажки. Приложи же к бумажному рублю промен на серебряной, то выйдет прежний рубль; или торгуй на серебряные деньги, то курс будет равен (al pari). Торг на Кяхте тогда бы мог великое иметь на курс действие, если бы, заменив многие статьи Европейских товаров, тем бы не уменьшался и вывоз некоторых наших товаров. Но вероятно, что, например, уничтожив привоз чая из Англии, Голландии и Дании, уничтожится вывоз тех Русских товаров, которым платили за сей товар, ибо бояться не надлежит, чтобы умножение привоза иностранных товаров было России во вред тем, что вывозить будут серебро. Серебра из нее не вывезут: ибо мало она его родит и оно дорого; ибо напрасно и так себя ласкать, что всегдашний баланс в пользу России будет платить серебром: в России множество недостает манифактур, роскошь питающих, нет ни сахару, ни кофе, ни вина и не умеют еще варить хорошего пива; и долго еще будут нам платить сими товарами за наши произведения. Если бы Россия торговала прямо с Перу или чрез Кадикс с Гишпанскими, Американскими селениями, то бы и к нам серебро шло в слитках, без перевеса в торговле, потому что Кадикс сим металлом платит, не имея других товаров. Сообрази, если ежегодно баланс бывал бы в нашу пользу и что, как то ду-

мают, платили за него наличными деньгами, то сколько в десять лет могло бы их войти в Россию; и возможно ли бы было, чтобы в течение трех лет от 1 стали бы платить за промен рубля 25 коп.

Но если в сих общих отношениях торг с Китаем мало важности имеет, не может он однако же без уважения остаться в других отношениях, а особливо что касается до вывоза из Китая шелка и шелковых товаров. Правда, что весьма полезно для употребителей вещей и товаров, чтобы они были по выгоднейшим и низким ценам (для сей то причины стараются непосредственные заводить торги), но если дешевая цена стоит того, чтобы способствовала привозу сего дешевого товара, не должно ли подумать, что может от того или быть вред или подрыв, или же остановится наш товар даваемой в заплату.

Говоря о шелковых товарах, привозимых из Китая, мы уже сказали, с какою выгодою можно заменять товары Французские Китайскими товарами; сказали также, какое может иметь действие привоз Китайского шелка, способствуя разведению шелкоткальных крестьянских станов; и для того не почитаем за нужное здесь сказанное повторять, а скажем только то, что если уничтожатся преграды для возраждающихся искусств, они в короткое время достигнут возможной степени совершенства.

К общим выгодам всего Государства, от торга с Китайцами проистекающим, можно причесть продажу или промен иностранных товаров; и сие можно некоторым образом почитать транзитным торгом. Неоспоримою истиною почитается, что проходной торг полезен, нужен, прибыточен. Пример Голландии и Ганзейских городов выгоды оного торга представляют блестящими. И подлинно доказательство кажется полезности его состоит в двух словах и есть осязательно. С одной стороны я товар возьму, с другой отдам: следственно, товар беру я не для своего употребления, но для постороннего; следственно, не я за него плачу, но тот, кто его употребляет. Одни мои барыши несомненны.

Сии беспредельные в торговле вольности вопросом быть не могут. Там, кто чем с выгодою питаться может, кто чем бы то ни было что либо произвести может и достает свой хлеб насущной, то позволительно, полезно и нужно; но там, где помышляют о перевесе в торге, там совсем другой должен быть расчет и кажется проходной или транзитной торг не на общих, преждеупомянутых размышлениях остаться должен, но должен быть основан на исчислениях, относящихся к существу и положению места, где оной производится. При сем светиле многое, что мнится быть прибытком, исчезнет как дым, и здание, нередко блестящее, рушится.

Простите мои заключения, я не за очевидности их выдаю, но за догадки, которые требуют утверждения в опытах. Положим сей случай. Если, например, за товар, привезенной для проходу, А. платит деньгами, а В., приемщик товара, платит товаром, которой В. употребит, то какая прибыль для А.? Или другими словами: если Государство платит за товар деньгами, а променяет его на товар, которой само употребит, то я тут транзитного торга не вижу. Не говоря о транзитном торге Риги и Херсона и не утверждая, что Россия деньгами ли платит за все товары, которые променивает в Астрахани, Оренбурге, на линии и на Кяхте, я только хотел показать возможность проигрыша, которой может происходить от транзитного торга, и что буде кто хочет верно знать, полезен он или вреден, то надлежит его основать на тонких расчислениях и почти неудобь

возможных. Но исключая последние времена, где курс Российских денег упал на 27 стиверов, или ниже (чему кажется не только транзитной торг, но и торг вообще не причиною), если вероятно быть может, что курс есть термометр прибытка или потери Государства в торгу, то кажется, не взирая на все прежние потаенные проезды на Польской границе и проч., курс был всегда без равенства, то есть выше 36 стиверов, Или другими словами наш рубль 72 пробы стоил дороже рубля.

При таковых обстоятельствах, и если курс будет означать перевес торга в пользу России, то продажа иностранных товаров на Кяхте будет выгодна. Таковые товары состоят, как мы то видели, из сукон, зеркал и других подобных безделушек, а наипаче из бобров и выдр, суммою всего может быть на 150.000 руб. А как оные товары променивают на такие, которые расходятся в России: следственно не Китайцы за них платят, а Русские, то прибыль от сего транзитного торга будет та, что больше от Китайцов выменено будет товара; следстственно, он будет дешевле и употребителен без отягощения.

Я Сибирь от Уральских гор до места моего пребывания проехал в такое время, когда торг на Кяхте был заперт и худая была надежда к возобновлению оного: ибо, как то в Тобольске, Иркутске не без причины, может быть, думали, что со стороны России не о торге помышлять начали, но о войне, что Китайцы приметя, о том сами упоминали. До Тобольска не слыхал я жалобы ни от кого, что пресечение сего торга было в тягость, исключая чая, коего дороговизна и недостаток заставлял всякого произносить жалобы. В Тобольске скучали пресечением сего торга некоторые купцы, которые, имея большой запас для кяхтинского торга, лишалися почти своих капиталов; скучали также частные люди, привыкшие к употреблению чая и к употреблению на одежду Китайских товаров, особливо фанз и китаек. Проезжая далее, я почти до самой Иркутской губернии не слыхал жалобы. В Таре, Томске и Красноярске купечество мало занималося торгом на Кяхте, на Барабе в редких местах говорили, что цена горностаев понизилась, но причиною несуществования торга на Кяхте тому не поставляли, ибо сие понижение цены начало восприяло гораздо позже.

Но основательнее всего могли печалиться бедные Барабинские поселяне, и то не более трех или четырех в каждом селении. Без торга с Китайцами уменьшился проезд обозов и купечества. Обозы выгодны бывали тем, что имели издержки на овес, сено и пищи извозчиков. Купцы, проезжая налегке, платили за почтовые подводы, хотя всегда с великою экономией), однакоже больше одинаких прогонов. Отдаленные от всех торговых мест они произведения свои не могут продавать с выгодою, как проезжающим. Енисейская ярмонка в 1791 году была отменно малолюдна.

Но, въехав в Иркутскую губернию, с самого того места, где места становятся ровнее, пашни обильнее и селитьбы привольнее, я слышал, хотя не повсеместно, но неудовольствие или сожаление о пресечении торга с Китайцами. Но к моему крайнему удивлению, на вопросы мои о сем другого почти не слыхал, что имели недостаток в Китайских товарах и всех питающих роскошь, то есть китайки, фанзы и дабы; о сих последних, сказав, что могут заменены быть с выгодою льняным холстом, получил в ответ, что многие бабы стали учиться с недавных лет прясть. Но нигде в селениях, даже до сего места, не слыхал, чтобы говорили, что мягкая рухлядь в цене упала, но скучали, что нет даб на рубахи и желали возобновления торга для того, что надеялися, что пушной товар вздорожает.

В Иркутске остановка Китайского торга тем была чувствительнее, что великой капитал лежал в запасенном товаре без обращения, по уверениям некоторых от 4 до 5 миллионов рублей. Потеря великая, если сумма столь велика, как меня уверяли.

Собственно для города Иркутска торг с Китаем весьма полезен в разных отношениях. Не столько, может быть, своим местоположением естественным, но местоположением политическим, если так сказать можно, Иркутск может равняться с лучшими Российскими торговыми городами и превосходит многие.

Не одна соседственность с Кяхтою делает торговое его обращение знатным. Если исключим те товары, которые идут из Якутска в Москву, не заходя в Иркутск, чрез Илимск, Енисейск и далее, то все торговые обороты мягкою рухлядью, все нужное для заморских промыслов и все оттуда привозимое, вся добыча смоляных, моржевых и костяных промыслов; все, что питает торг на Кяхте со стороны России, и все, что от Китайцов получается за обмен, не токмо проходит чрез Иркутск, но тут складывается, сортируется, часто переходит из рук в руки и в Иркутске грузится на воза или суда, для отвоза в Россию или на границу Китайскую.

Но если выгоден Китайской торг для Иркутска тем, что большие приводит в обращение суммы, еще выгоднее он тем, что много питает купцов маломочных. Я здесь на минуту устранюся от моего предлога и скажу нечто малое хотя о побочной материи, но также несколько к слову моему причастной. В[аше] С[иятельство], конечно, того же мнения; если промысел, рукоделие, искусство или упражнение какого бы рода ни было, питает большее число людей, хотя бы оно и меньшее число капитала пускало в обращение, или меньшее бы число производило числительных богатств, то то искусство, рукоделие или упражнение, или что бы то ни было, предпочтительнее тому, которое, обращая великие капиталы или производя много богатств, меньшее число людей питает.

Истине сей вы от меня доказательств не потребуете, столь она очевидна, а для облегчения моего мог бы я оные выписать из многих хороших Авторов. Но если можно и давать пропитание большему числу людей и оставлять всевозможное обращение капиталов, то тем больше будет выгоды. Приложим сие к торгу на Кяхте. То, что я здесь скажу, скажу не по словам других, но по моему испытанию, которое тем было безошибочнее, что со мною многие были в нынешнем моем состоянии чистосердечнее, нежели могли бы быть в другом. Торг на Кяхте производят не токмо великие капиталисты; но большая часть купцов, там торгующих, суть люди маломощные, безденежные и пропитание свое добывающие потом лица своего; не токмо торгуют купцы на Кяхте, но некоторые крестьяне и многие иноверцы, а особливо Буряты или Братские. Все сии люди до сего времени торговали на Кяхте беспрепятственно, и Иркутск таковым купечеством наполнен. Во время несуществования торга Кяхтинского издано городовое положение. Купцы Иркутские сами понимают, что одна первая гильдия может пользоваться правом торговать на Кяхте. И дабы не лишиться пропитания или прибытка, но не в состоянии будучи нести тягости первой гильдии, отчасти мещане, а более купцы третьей гильдии пишутся в первую гильдию не все своим именем, но по 5, 6, 8, 10 и 15 на одно имя. Итак закон остается без действия. Не знаю, что предпримут крестьяне и Братские, которые торгуют только своими произведениями: ибо и мягкая рухлядь есть их собственное произведение; если они не сделают

того же, то произведут торг потаенной, в ущерб пошлинного сбора, хотя также в пользу общую.

Китайской торг выгоден собственно для города Иркутска тем, что питает много кожевников. Хотя опричь черных юфтей в Иркутске других кож и не делают, разве немного козлов, но сие искусство многие доставляет выгоды. Собственно к выгоде Иркутска можно отнесть плату, производимую за складку назначаемых на Кяхту и в Россию товаров. Для сего построен довольно обширной гостиной каменной двор в два этажа и строится еще другой, которые ныне почти стоят пусты и построители лишены прибыли наймов. К собственной выгоде Иркутска надлежит также отнести прибытки от построения и содержания судов, плавающих по Ангаре и Байкалу. С Китайским торгом плавание сие удвоится и вместо (по оказываниям живущих на Ангарских порогах вожей или лоцманов) 17 или 20 судов, плавающих ныне от Иркутска до Енисейска, проплывать будут ежегодно судов до 40.

К сим общим или прямо до торга Кяхтинского принадлежащим выгодам присовокупятся еще для города Иркутска и побочные; например: прибыль, получаемая из постоя 10.000 подвод и многого числа приезжих людей, мелочные услуги, в торгу нужные, которые будут питать многих жителей, починка и делание повозок зимних и летних; большей расход нужных для жизни припасов и многие другие мелочи, в которые можно включить непространное искусство ткать шелковые пояса и ленты.

Что же касается до общих выгод Иркутской Губернии или Сибири, от Китайского торга проистекающих, отчасти говорили мы о том уже выше и здесь еще о них упомянем.

Мы видели, каким образом сей торг полезен вообще, что не токмо большие в оном обращаются капиталы, но что гораздо полезнее малые, давая пропитание большему числу людей. Мы видели, что многие крестьяне прибыльные будут иметь извозы, а от них прибыль будет держателям постоялых дворов. Сие может, хотя невеликое, действие иметь на хлебопашество: ибо и скотоводство для дальних извозов надлежит иметь большое число лошадей и им нужное снабжение. Для сего надлежит размножать табуны, размножать пашни. Обращение денег между крестьян будет скорее и выгоднее. Проезжающие по дорогам должны делать издержки (которые ныне в рассуждении малого проезда малы) и сие будет в прибыток живущим по дорогам поселянам. К статье извоза можно присовокупить размножение плавания по Селенге, Байкалу и Ангаре; ибо мы видели по известиям лоцманов, что число судов, проходящих пороги, удвоится.

Расход съестных припасов, усугубляяся в Иркутске, как то мы видели, может иметь благое действие на хлебопашество; а хотя оному и есть некоторые препятствия, по крайней мере, цены хлеба должны возвыситься к пользе поселян, не ставя в счет годы худого урожая, где прибавляющийся расход может быть иногда гибелью.

Мы видели, что в торгу с Китайцами много променивают юфти (которую употребляют почти всю предельные с Российскою границею Мунгалы), и сие может иметь действие на размножение скотоводства. Наконец, возвышения повремянные пушного товара в пользу будут поселян или промышленников. Таковы суть выгоды торга с Китайцами. Я не мог поставить в счет продажу вообще излишней мягкой рухляди, то есть всей той, которая не расходится в России или не отвозится за границу,

ибо если цена на некоторые статьи пушного товара с пресечения торга на Кяхте понизилась, но не на главные и не на становые. Сему утверждению мало верят даже и в самом Иркутске; но те, кои в торге Кяхтинском обращаются, должны признаться в истине мною сказанного; а доказательство тому короткое и ясное есть то, что товар на руках у промышленников не остается, и ныне, когда известно уже стало, что торг возобновлен будет, на месте промыслов товар поднялся только 1 процентом; но прибыль на Кяхте торгующих часто не на мягкую рухлядь, но на Китайской товар, и в том я согласен.

Исчислим теперь, сколько возможно, пользы России и Сибири, от Китайских товаров ожидаемой.

Мне кажется первою и все другие превосходящею пользою поставить можно вывоз из Китая в Россию шелка; мы видели, каким образом он нужен для шелковых тканей и размножившегося рукоделия сего в Московской губернии; наипаче размножился торг шелковыми платками, которыми ныне Московская губерния снабжает всю Россию. А кто не знает, сколь великой расход на оные! ибо они составляют головной женской убор простого народа среднего состояния.

С немалою пользою, видели мы, можно вывозить Китайские шелковые материи по двум причинам: 1. По высокой цене Европейских, от низкого курса на Российские деньги происходящей. 2. Потому что китайцы начинают ткать с лучшим вкусом, то есть: по даваемым им Европейским образцам, и сей торг может в нынешнее время нарочито распространиться.

Если можно почитать выгодою дешевую цену товаров иностранных, то Кяхтинской торг совершенно выгоден тем, что унизит цены на многие товары великого употребления; но я с моей стороны таковою выгодою почту разве всякой чай, опричь кирпичного, ибо чай сего рода служит только к роскоши крестьян и Братских, живущих за Байкалом и некоторых жителей других мест Сибири. То же сказать можно и о дешевизне даб и фанз, – но о сем будем говорить ниже, – также и заменяющих китайку товарах. Но поселяне Сибирские особо отменно обрадуются дешевым ценам сих товаров, то есть частию китаек, фанз, а особо кирпичного чая и даб, хотя нередко и к своему вреду.

Исчислив таким образом все выгоды, которые происходят от торга с Китайцами на Кяхте, и следуя сделанному расположению, теперь скажу, что заступало его место во время его несуществования, то есть: куда обращалися Российские товары и чем заменяемы были Китайские; ибо нельзя подумать, да и противно было рассудку мыслить, что в обширном Государстве и лежащем в непрерывном протяжении граничащем с тремя частями света, если сообщение и торг с одним Государством прервется, чтобы товары, в сем торгу обращающиеся, все стали недействительны и смертию поражены. Всяк беспристрастный признается в сем. Уменьшилися ли от пресечения Китайского торга звериные промыслы? Умалилося ли скотоводство? Оставил соху земледелец и удалился ли своего упражнения? Пройди все селения Сибири, вопроси всякого, которой питается промыслом звериным; не найдешь нигде, кто бы сказал, что он перестал ходить в лес для того, что торг с Китайцами пресекся. Всяк тужил, когда торга не было, но не о том, что товар с рук не шел, но о том, что не было Китайских товаров. И так, можно заключить с вероподобием, что пресечение торга на Кяхте на зве-

риные промыслы не имело действия худого. Думать можно, что цена пушных товаров при открытии торга на Кяхте возвысится, но причина тому будет иная и самая та, от которой курс стал с некоторого времени столь низок. Некоторые товары однако же остаются на руках у добывателей, а именно те, которые привозятся в Охотск на промышленнических судах; как-то: бобры, черные лисицы и еще некоторые. Я о сем торге буду говорить вообще, тогда и о сих товарах.

Всякое потрясение в торгу вредно, по крайней мере сначала, даже и тогда, когда из премены может быть польза.

Но если вообще усматриваем, что для возобновления ослабевших пружин нужны сильные потрясения, то не можно ли сего сказать и о торге? Но иногда премены таковые ужас только наводят, для того, что суть премены, а не для того, что от того истинной вред.

Во всяком торгу обращаются товары, из которых некоторые идут непременно в одну сторону, другие же, хотя и в большем количестве, идут в одну сторону по привычке, а могут идти и в другую беспрепятственно.

Из сделанного выше сего исчисления видели мы, что главные статьи Кяхтинского торга составляли белки, мерлушки и юфть. Что касается до белки, то ловля сего зверка составляет основание всех почти Сибирских звериных промыслов, по крайней мере сею ловлею питается большая часть Сибирских промышленников. Плодовитость ея столь велика, что здешний народ почитает, что одна самка в год может иметь до 40 поколений; но я сего не утверждаю и вопрос сей сюда не принадлежит. Но сколь количество сего зверя ни велико, сколь добывание его ни избыточно, во все продолжение пресечения торга ныне, также и в прежнее, сказывают, время никогда они на руках не оставалися у промышленников. Я думаю, вам известно, что сей товар, когда на Кяхте торг пресекся, обратили для заплаты долгов, сделанных в Европе по торговым обращениям. Большая часть оного пошла в Гамбург, а оттуда, вероятно, в немалом количестве и в Турцию. И сей исток сего товара столь окоренился, что и ныне, когда уже утверждено торг на Кяхте возобновить, лучшую белку отпускают в Россию из Иркутска, и если соревнование Кяхты не возвысит ее цены до невозможного, то сей торг останется в действии; но от возвышения цен может последовать противное, и торг белкою с Европою от возобновления подорвется, ибо выгоднее ее можно будет променивать Китайцам и на их товарах лучшие получать барыши. Итак торг, сам себе вредя, или сам себе помогая, когда ничто постороннее его не разражает, подобен водам, прорывающим себе течение не там, где бы выгоднее их напоение нивам и пажитям, но там, где почвы отложистее и где течение их может быть свободнее. Истина в нравственном и вещественном мире более существующая, нежели ощущаемая.

Торг мерлушками питается из разных мест. Меньшую часть оных дает Иркутская Губерния, но добротою самую лучшую. Пространные степи позади Байкала, обитаемые Бурятами, дают пищу многочисленному скоту, крупному и мелкому, которой большею частию принадлежит Братским, Ламам, Шуленгам, Заисанам, а наипаче Тайше. Прочая мерлушка идет от Киргизцев чрез пограничные места, Петропавловскую, Троицкую, и Оренбургскую таможни. Некоторую часть дают и оставшие Калмыки. Во время пресечения торга на Кяхте, мерлушки Забайкальские оставалися до-

ма, но не все; много не только мерлушек, но и всякого зверя Братские продавали потаенно своим единородцам Мунгалам, живущим под игом Китайского правительства; и сколь оно ни прозорливо на угнетение, везде многие найдутся люди, которые тем охотнее попустятся на какое либо действие, что оно запрещено.

Человеку, служившему в таможне, быть одобрителем всего потаенного торга свойственно показаться, что был нарушитель сам тарифных положений; но я сей укоризны не боюся и тем более знаю, что и вы того мнения, что бы за исходом Российских поизведений строго смотреть в таможне не нужно.

Но возвратимся к мерлушкам. Не знаю, куда обращаются мерлушки, вымениваемые от Киргизцев, неизвестно мне, живым ли все они скотом вымениваются или шкурами; не делал я сравнения, больше или меньше их выменивается; но то сказать можно с вероятностию, что действие торга на Кяхте не имело действия на торг с Киргизцами; и хотя в общем размышлении полагать можно, что если где сей товар и остается, то он хотя и дешевеет, но не во вред жителям: ибо хотя то и смешно покажется, но как я уже сказал, никто от того не замерзнет, что купил дешевую шубу.

На что оставляем выпуск хлеба, не на то ли, что думаем, что дома дешевле будет? Правда, что все другое с сим товаром сравниться не может, но если другие потребности во вторую или третию статью потребностей поставим, то не надлежит ли также и о их дешевизне пещися; и если Правительство печется, чтобы иностранные товары были дешевле, доставши их из первых рук, то для чего же не пещися, чтобы и собственные были не дешевле?

Кто бы подумал, что юфтей оставался на 100.000, в России они мало делают расстановки в обращении сего товара и заводы кожевенные от того не остановилися? Когда торг бывает с Китайцами, то юфти для сего торга привозят не токмо из Красноярска и Енисейска но и далее. Когда его нет, то Иркутская юфть идет на Ишимскую линию для продажи Киргизцам. Таким образом торг, сам себе помогая, не терпит преграды, и если я говорю, что не так велик вред от пресечения торга на Кяхте, как кажется, то не утверждаю, чтобы его возобновление было вредно.

Равным образом и другие пушные товары не остаются в руках промышленников: ибо каждый, находя свойственной ему исток, обращается, куда ему способнее и выгоднее. У тех много товару осталося, кто имел его в закутке при закрытии торга, а никто другой. Нужды, кажется, нет преследовать за каждою статьею товара; ибо если может быть известно количество его, когда выходит за границу в одном месте, нельзя его уловить и узнать в точности, в какие протоки он раздробится; ибо, если известно, что на Кяхте променено, например, горностаев на 40.000 руб., то когда они обратилися в другую сторону, и если где они в выпуске случатся за границу, то можно ли утверждать, что точно те, которые выходили в Китай?

Россия столь обширна, столь в лучших ее областях есть лесов, что неможно точно сказать, разве быть отпуску их прилежным свидетелем, разумеется о некоторых товарах, сей товар оттуда; и столь у нее много пунктов прикосновения с другими Государствами, чтобы всегда сказать с уверением: сей товар вывезен в такое Государство.

Внутреннее употребление, а особливо мода, приводит иногда и Сибирские товары в обращение. Например, пред нескольким временем в Москве была мода на собольи меха; не всегда на дорогие, но на самые те, которые берут Китайцы. Кто в Москве

был без соболей шубы, тот в число щеголей не вмещался, а там их много и быть таковым есть в свете не редкое достоинство. Ныне мода пошла на шубы или виндшуры бобровые. Если бы торг на Кяхте не возобновился, то я уверен, что бы и Камчатские дорогие бобры в Москве нашли покупателей.

Товары иностранные, употребляемые в мену на Кяхте, оставалися совершенно без действия; но также они не были ставлены на счет Российского торгового долга. Конечно, выгоден торг проходной, но тогда, буде за товар мною полученный, я, заплатя товаром, получаю наличные деньги, или хотя заплатил деньги, их при продаже возвращаю, платя таким образом за товар чужие деньги и пользуяся оных интересами. Но если я с одной стороны заплатил деньги, а променял с другой стороны на товар, то если мне есть прибыль, какая Государству? Я о сем торге предлагаю только мои мысли без всякого утверждения; ибо материя сия для меня, как первенственный хаос, покрыта еще мглою. Если я мог видеть самолично действия Китайского торга в нижайших и дальнейших протоках; но я мало времени был в средине торга Сибирского, то есть в Иркутске, и не видал совсем, каким образом бывает торгу сему исток в Китай. Я бы почел в положении моем благодеянием, если бы позволено мне было отлучаться от места моего пребывания. Верьте, что причина тому единственно научение. Если глагол мой заразителен, если дышу язвою и взор мой возмущение рассеявает, скитаяся по пустыням и дебрям, преходя леса, скалы и пропасти, - кто может чувствовать действие толико злодейственна существа? Пускай глас мой не пременился, пускай выя не стерта и носится гордо; глас ударять будет в камень, отзвонок его изъиет из пещеры и раздастся в дуброве необитаемой. Свидетели моих мыслей будут небо и земля; а тот, кто зрит в сердца и завесу внутренности нашея проницает, тот знает, что я, что быть бы мог и что буду.

Привыкнув к употреблениям некоторых вещей и сделав их себе иногда почти толико же необходимыми, как хлеб и рубаха, человек, живущий в обществе, с трудом отстать может от своей привычки, хотя бы то была прихоть, и если не может удовлетворить своей прихоти тем, чем удовлетворял прежде, удовлетворит ее чем либо подобным, и тению хотя того, чем наслаждался, насладится.

Мы видели, что главные произведения, из Китая в Россию привозимые, суть товар бумажной, то есть китайки и дабы, чай, шелковые ткани и шелк сырец и сученой; мы видели, что китайки и чай употребляемы не токмо в Сибири но и в России, что шелк почти единственно расходился на Московских мануфактурах, что дабы, фанзы все почти расходилися в Сибири, а голи и прочей шелковой товар отвозился частию в Россию, частию расходился в Сибири.

В то время, как на Кяхте торга не было, тогда возвысившаяся цена на чай заставила некоторых людей оставить свою привычку и употреблять вместо чаю кофе; но те, которые сей привычки преобратить в другую не могли, покупали и употребляли чай, привозимой из Англии, Голландии и Дании, платя за оной в трое или четверо, от чего привоз сего товара чрез все порты, а особливо чрез Петербург увеличился; но бедные люди, которые чай пивали во дни празднества или веселия, или же подражая в роскоши богатым и причаствуя сей постепенной заразе, живущие в России употребляли веронику и богородскую траву; живущие в Сибири заменяли травою, так называемой, луговой чай; но жители Забайкальские, Буряты и Русские, которые издерживают весь

почти кирпичный чай, из Китая привозимый, и коего количество превосходило количество всего чая, в России употребляемого, привыкнув к употреблению оного от самого детства, при всяком пресечении торга на Кяхте приходят в великую расстройку и многие семейства, от чая обнищав, пошли по миру. Вот действие прихотей и действие роскоши, подобно той, которую усматривают в диких народах, и чем они грубее, тем действие пагубнее, чем они простее, тем беспечнее. Тунгус, когда начнет по здешнему гулять, то есть упиваться до бесчувствия, пропивает последнюю рубаху; Караиб отдает за пьяное питье свою постелю, не помня о том, может ли успокоить на чем свои усталые члены.

Таким образом многие Забайкальские жители пропивалися на чаю, доколе доставало их имущество. Овца, корова, лошадь преобращалися в чай; и наконец, хлев стал пуст и нива не оранная не дала жатвы. Не имея потом возможности доставать чай, стали вместо оного употреблять траву, которая в рассуждении своей безвредности имела действие чая: ибо питье сие, употребляемое по образу Сибирских жителей не токмо не вредно, но полезно и питательно, и чай или траву можно почесть скорее побочным (ingrêdient) составом, нежели первенствующим.

Если чай, как вещь, прихотью введенная в употребление, а не нуждою, не могла истребиться из употребления, хотя привоз ее пресекся и с ним низкая его цена, кольми паче невозможно отстать от того, что считаем между первейшими необходимостями, как-то одежда в Северном климате, и если нет штофа и парчи, наденем, вздохнув, сермяжное сукно и проч. Но таков человек, что о прихоти своей более жалеет, нежели о нужде. Сей удовлетворить почтится без роптания; от лишения другого приходит нередко в исступление. Притяжение веселия есть из первейших элементов нашего состава, и душа наша на оном замешена. Если мы вникнем в причины восстания народов, то увидим, что лишение прихотей нередко были их в том побуждениями.

Лишенные Китайских тканей, служивших к их действиям, употребители стали промышлять, как бы их заменить чем другим. То, что в нарядах употребляемо, было заменено нарядом, что была необходимость, то заменена такою же. Невозможно почти исчислить, чем заменены стали китайки, ибо употребления сего товара разнообразны. Сукно, каламенка, выбойка, миткаль, нитяные ткани Ярославских фабрик и даже крашенина, все служило в замену. Фанзы заменены были миткалем и тонким Ивановским полотном: ибо фанзы употреблялись Сибирскими жителями большею частию на рубахи. Вместо даб стали употреблять красные и синие пестреди, нитяные и полубумажные. Но что еще важнее, поселяне стали разводить лен в большем количестве, деревенские и городские бабы стали прясть и ткать: ибо к не малому своему удивлению, я во многих местах Сибири слышал, что многие бабы выучилися сему рукоделию назад тому три или четыре года. В Таре, а особливо в Томске, где много хорошего льна родится, холст начинал составлять отрасль торговли и его отвозили в Иркутскую губернию большими партиями. Шелковые другого рода товары, канфы, голи или камки нашли замену или в Лионских тканях или других Французских модах. Шелк, на фабрики Московские употребляемой, вывозить (говорю гадательно) стали, может быть, в большем количестве из Персии и Италии.

Другие статьи Китайских товаров, гораздо в меньшем количестве вывозимые, нечувствительны были при их лишении, исключая, может быть, сахара леденца, коего

употребление было велико, а в Иркутске, Тобольске и прочих Сибирских городах почти повсеместно. Но высокие цены головного сахара более о нем заставляли тужить, нежели то, что не было Китайского леденца.

Посуда, какого бы звания и вида она ни была, не столь была завидна, чтобы она в счету могла стоять лишнее; а о других статьях и говорить нужды не нахожу в рассуждении их маловажности.

Из всего вышесказанного можем мы видеть, какое торг на Кяхте с Китайцами производит вообще действие над всем тем, чем он живится, и как он действовать может на то, чем в несуществование заменяется. Мы видели, что пресечение торга на Кяхте звериным промыслам не было в подрыв и что они от того не уменьшилися. Правда, если бы Китайцы совсем с Россиею торговать перестали, то воспретило бы сие распространению промыслов, производимых от Охотска на берегах Американских. Признаться в том должно несомненно: они прибыльны, иногда прибыльны чрезмерно: но если они обогатить могут того или другого, какова из того польза вообще, мы постараемся показать ниже.

Обыкновенные же звериные промыслы распространиться кажется не могут; но скорее желать надобно, чтобы они уменьшились, и жители, пропитание свое ныне от звериных промыслов снискивающие, начали бы прилежать к земледелию. В таковом положении, как промыслы ныне производятся, они бы земледелию не были вредны, ибо производятся тогда, когда работ никаких не бывает. Но надеяся на зверскую добычу, все, оное промышляющие, земледелию не прилежат, и если на ловитве не щадят своих трудов и здравия, оных в другую работу жалеют отменно. Сколь же таковое пропитание не надежно, не имею нужды доказывать. Нынешнею весною в окружностях Илима лов был худ отменно, так что тот, кто добывал 500 или более белок, ныне имел не более 20 или 30. Не говорю о том, сколько много от того бывает несчастий; скитаяся по лесам, встречаются с медведями и жертвою бывают своей отважности; и алчностию прибытка водимы, пренебрегая нужду и непогоды, лишаются членов, на всю жизнь бывают калеки. Не думайте, однако же, чтобы они жили в изобилии. Правда, что все Сибирские крестьяне, Барабинских посельщиков исключая, лучше и изобильнее живут помещичьих крестьян, едят мясо, а в пост рыбу, но из того не следует, чтобы они жили в изобилии. Один изо 100 или из 200 живет не в долг, другие все наемники и работают на давших им задатки. Всю свою добычу запродают заранее; а корыстолюбивые и немилосердые торговщики пользуются трудами и ими обогащаются.

Многие из поселян, увидев ненадежность звериного промысла, оставляют свои жилища и, простясь с лесами, переходят и селятся на местах изобильнейших; едучи по Лене, в редком селении я того не находил. Таковые переселения бывают на Оку, где земли много и она плодоносна. Если бы я не знал, сколь мало можно получать в распоряжение казенные деньги и сколь частое из оных делают злоупотребление, то я бы подал совет давать премии всем желающим оставлять жизнь лесную и звероловную и, селясь на местах плодоносных, упражняться в земледелии.

Скотоводство, дающее часть своего произведения для торга на Кяхте, столь же мало или меньше потерпело от пресечения торга с Китайцами. По крайней мере можно сие сказать о скотоводстве Иркутской губернии. Мы видели, что она в торг

дает две главные статьи товаров, мерлушки и кожи, а сии последние бывают выделываемы и отвозятся в Китай с юфтию.

Самую малую часть мерлушек дает губерния Иркутская; идет оных много от Киргизцов из за границы; остальные покупаются в разных местах и столь неприметно, что едва ли первая закупка чувствительна; почему можно предполагать, что первой продавец, имея невеликую прибыль в продаже и малую потерю, если у него мерлушек не покупают, число своего скота для сего ни умалит, ни усугубит, ибо одни только великие прибытки заставляют делать новые предприятия; но торг Кяхтинской, променивая мерлушки в великом количестве, побуждая к размножению скота, дающего мерлушку, не токмо, казалося бы, в сем случае благое будет иметь действие, но размножать волну и способствовать может к заведению или размножению суконных фабрик.

Но оставим все сии гадания и я лучше признаюся, что о сем ничего основательного сказать не могу, потому что подробность сего торга мне мало известна.

Торг юфтию, остановившийся на Кяхте, кажется, может разве вредить кожевенным заводам, а не умалить скотоводство. Следующее рассуждение может служить тому доказательством. На что держать большой рогатой скот? Или спросим определеннее и ближе к цели нашей: на какое употребление бьют скот и какая в том главная цель? Далеко ее, кажется, искать не надобно и сохранение своея жизни скажет, что нужда заставляет искать пищу и находить ее в скотском мясе. И по истине, если мы рассмотрим, что в скотине рогатой всего дороже, то найдем, что мясо всего дороже, за тем следует сало, а кожа в заключении. Они содержатся в следующей пропорции: 4 1/2 – 1 1/2 – 2/4. Из сего можно сделать вероятное заключение, что употребление мяс восстановило кожевенную торговлю и мануфактуру, а не прибытки торговли юфтию заставляют бить скотину, разве цена кож возрастет мгновенно, как то мы видели в цене сала, и для того, доколе будут люди употреблять говядину в кушанье, дотоле и торг юфтию не пресечется и будут существовать кожевенные заводы; ибо в них также настоит надобность, а особливо в Сибири, где весь простой народ носит кожаную обувь, которая и во время закрытия торга в высокой держится цене, хотя число битого скота не убывает, потому что употребители мяса те же.

Кажется, Кяхтинской торг малое на земледелие может иметь действие. Однако же, если то правда, что мне сказывали, что во время сего торга в Иркутске в год до 10.000 подвод перебывает, и с сими по меньшей пропорции 3.000 человек, то, полагая умножением расхода овса и хлеба то количество, которое употреблено быть может людьми и лошадьми во время продолжения дороги, можно почесть сие распространением расхода; а потому в той же пропорции и земледелия.

Обратимся теперь к Китайским товарам и посмотрим, каково их действие. Мы видели, что в несуществовании Кяхтинского торга товары, вымениваемые от Китайцов, были заменяемы совершенно, и недостаток в них чувствовали только те, которые, сделав к некоторым из оных привычку, не в силах были покупать таковые же, но по дорогой цене для людей состояния посредственного. Первые годы по закрытии торга на Кяхте возвышенные цены на Китайские товары показались несносными; но по времени к оным сделали привычку, и размножение некоторых, опричь чая, привозом чрез порты цены оных понизило и недостатка в них уже не чувствовали. Хотя чай и

дороже был прежнего, но все, кто чай пил (опричь кирпичного), от чая не отстали; а ныне, при возобновлении торга, можно сказать с уверением, что прежняя цена чая, на Кяхте вымениваемого, восстановиться не может, потому что числительная сумма денег в России умножилась по крайней мере одной третью всей массы, и если вздорожали от того имения недвижимые, то несомненно должно вздорожать и все другое. Какое же действие размножение одновременное денег имело на торг вообще, мы видим из состояния курса и из издержек последния войны в сравнении с прежними.

Стараются обыкновенно доставлять Государству товары из первых рук, и Правительство сие вменяет себе должностию. Причина тому ощутительна. Получая товар из того места, где он производится непосредственно, он конечно обойдется дешевле, и употребители низкою ценою его иметь будут; но если то истина, хотя мало еще распространившаяся и немногим она очевидною является, что Государство в торгу точно столько же даст, сколько возьмет, а если и то, может быть, истина, что заплата бывает всегда тем, чем Государство изобилует, следовательно, если я вещь получаю дороже, то больше за нее возвращаю, а в общей пользе должно будет на весы положить, что нужнее, чтобы иностранные товары были дешевле, или чтобы больше выходило домашних на заплату сделанного взятьем товаров долга? Мне кажется, что начинают почитать доказанным, что невозможно, чтобы Государство какое либо торговало всегда в ущерб своего числительного богатства; ибо если положим, что оное равно 100, а Государство теряет ежегодно в торгу 5, то в 20 лет таковое Государство должно потерять всю свою монету и начинать повсюду торг меновной. Или если бы Государство ежегодно выигрывало монетою, напр., каждый год 5, умножая тем свое числительное богатство, состоящее из 100, то чрез двадцать лет, оно, удвоясь, удвоило бы всему цену; но сие умножение не бывает в сей соразмерности, и числительное богатство входит в Государство по мере той, какую в нем имеет надобность. Если мы возьмем пример России, и хотя с 762 года, то есть в течение 30 лет назначенном приращении, как то из ведомостей казалося, по 4 миллиона на год, что в 30 лет составит 120 мил. руб. серебреной монеты или серебра; и все сие серебро в 2 или 3 года из обращения истребилося. Эпоха уменьшению серебреных денег есть начало войны со Шведами. Неужели каждой год война стоила 40 мил.? Может быть: ибо умножением денег цена на все умножалася. Но что становилося ополчение против Шведов, все оставалося в России. Или вдруг стало Государство столько терять в торгу ежегодно, нельзя подумать.

Итак, если Государство даст столько же, сколько берет, то будет брать то, что надобно, и давать, что может; следовательно: золото и серебро наряду пойдут с другими вещми.

Россия за вино, сахар и пр. дает железо, сало, пеньку и лен; Испания серебра и золото. И чем в торгу сии металлы могут быть преимущественее? Единственно тем, что употребление их обширнее и что в общем соглашении они всякой товар представляют и на них всякой товар менять можно: ибо по конец всех изысканий всякой торг есть меновой. Для чего же извлекать их из торговли или назначать им особое в оной место? Золото и серебро суть произведения земные, как и другие металлы, а драгоценнее потому, что их меньше. В Перу да нашествия Испанцов золото худшим почиталося металлом: ибо было повсеместно. На что же их предпочитать в торгу другим

произведениям, почто их почитать истинными богатствами и гоняться за ними, нарушая даже правила благоразумия? Или кусок золота или серебра драгоценнее сока винограда и тростника сладкого, сколь приятныя в употреблении, столь и здравию многополезныя? Или утварь серебряная драгоценнее произведения художества, воображения, рассудка? Ужели произведения мрачных вертепов Потозския, свидетели слез и стенаний несчастных, драгоценнее почитаться могут произведений Рафаила, Декарта, Мильтона, Монтескиё? О вы, проложившие путь умствованиям о благе народном, о благе общественном, о благе Государственном, Платон, Монтескиё, могли ли бы вы вообразить, что при вратах порубежных произведения бессмертные вашего разума могут на одни весы положены быть с произведением алчности, исторгаемым ударами у обагренного кровавым потом злосчастия! Отлети от сердца моего мысль тягостная, мысль гнусная, удалися! совет таковой не в моем водворится сердце.

Итак, если истина, что в торгу Государства ни продавец, ни покупщик ущербу не имеют, то все равно, от кого товар ни получать, правою ли рукою, левою ли; все равно для Государства, из первых ли идет что рук или посредственно. Все равно в торговле и безубыточно, что чай в Россию возят с Кяхты или из Петербурга, Архангельска, Риги и Ревеля: ибо он дороже, то за него дают более товара. Примечания достойно, не будет ли открытие торга на Кяхте действие иметь на количество вывозимого Россиею товара; но действие таковое ощутительно не одним годом, не тремя или четырьмя.

По возобновлении торга на Кяхте, торг чаем с Европою пресечется, но, думаю, не совсем, и если бы сравнять пошлину на чай, то бы торг сей был довольно обширен. Забайкальские жители и некоторые других мест Сибири возобновят питье Затурана, будут на нем пропиваться и сожалительно оставят траву, которую ныне вместо чая употребляют. Но более того сожаления достойно, что низкая цена китаек, а паче даб и фанз изгонит из употребления в Сибири многие Российские рукодельные и мануфактурные товары. Китайки и частию фанзы, хотя заменяемы были товарами иностранными, но вместо всех даб, многих китаек и фанз употреблялися товары Российские.

Не токмо размножалося делание пестредей (которые дабы заменяют ныне совершенно), тканий Ярославских, Ивановских полотен, сеяние льна и ткание простого полотна в Иркутской губернии и Томской области; но я имел случай видеть, что даже в деревнях губернии Нижегородской делать начинали китайки. Запрещение иностранных мануфактурных произведений неминуемо родит мануфактуры дома, а без того внутренние рукоделия могут прийти в запустение.

Кто бы подумать мог, что торг Кяхтинокой умалит сообщение Сибири, а особо Иркутска, с Россиею, а паче с Москвою? Вот как сие разуметь должно. Доколе был торг на Кяхте, купцы не токмо Иркутские, но и Тобольские не имели другого предела к стороне России своим поездкам, как Иркутскую ярманку, редкие, и то Тобольские, приезжали на Макарьевскую, ибо имея себе надежное прокормление и барыш в торгу на Кяхте, все туда устремлялися и от нее удалялися неохотно. Все нужные товары из России привозили, как то и ныне по большей части купцы, а особливо в Иркутск, Велико-Российские, наипаче Архангельские, также Устюжские и другие; но когда в пресечение торга так называемые мелочники, не находя себе упражнения на Кяхте, отправилися по ярмонкам; тот, которой знал один Иркутск и Кяхту, отправился в Ир-

бит и к Макарью, и многие, отвозя пушные товары в Москву прямо, закупали все, что могло быть в Сибири потребно и заводили знакомства и сообщение.

По возобновлении торга некоторые из сделанных связей останутся, может быть, но большая часть прервется; ибо, находя надежное прокормление и столь же прибыльное у своего, так сказать, жилища, вдаль ездить перестанут, и Сибирь более будет посещаема русскими купцами попрежнему. В отношении торга все равно, что справа едут налево, что слева направо, но не все равно в рассуждении образования и научения. Сибиряки, посещая Москву, приобретают многие понятия, каких не имели прежде, и все, что в путешествии есть полезного, бывает не потеряно; хотя нравы, образ жития и обращения везде одинаковы, как в Сибири, так и в России, но есть много и различия, и если, скитаяся по свету, изучаемся нередко худому, изучаемся однако же и доброму.

Но какую новую жизнь произведет в Иркутске возобновление торга на Кяхте? Человеку, ведающему все действие сообщения между людей, я не имею нужды говорить обстоятельно. Низкого состояния люди, питающиеся от нашествия других, содержа постоялые дворы, приготовляя пищу, доставая пропитание от извозов, отдающие в наем домы, анбары и лавки, кормящиеся от водоходства, а паче малоимущее купечество и так называемые посадские, получат иные в самом Иркутске, иные отъезжая для мены на Кяхту, и крестьяне, пользующиеся извозом и судохождением, надежное пропитание.

А если бы и все сии выгоды могли быть противовешены другими и заменяемы совершенно, одна та мысль, что многие Барабинские поселенцы изменят смрадное свое рубище на теплую одежду, получив малой хотя прибыток от проезжающих, и [увидят] стенящих еще по 20-летнем отсутствии от прежних жилищ родственников и ближних (все, что человека во всех его состояниях воздыхать заставит может); если какая-либо выгода может загладить у сих несчастных тяготительные напоминовения, то желание мое будет всегда, чтоб торг на Кяхте не пресекся николи.

Не знаю, М[илостивый] Г[осударь], довольно ли я объяснил мою мысль и может ли быть внятно мною сказанное, что пресечение торга на Кяхте не есть такое зло, как кажется. И по истине, если мы краткими словами повторим сказанное: от пресечения торга на Кяхте звериные промыслы не уменьшалися и не уменьшатся, а есть ли в том польза, чтобы они в теперешнем положении Сибири размножалися, остается для меня по крайней мере доселе проблеммою. Скотоводству от того и земледелию помехи нет; в несуществовании сего торга размножился посев льна в Иркутской губернии и ткание холста, а особливо в Томске и окружностях: торг Российскими полотнами, пестредями и другими льняными тканьми, крашениною и выбойкою Российского дела, в Сибире распространился на сумму весьма знатную, даже начали в России делать бумажные ткани, на подобие китайки; недостаток в Кяхтиноком чаю совсем бы стал нечувствителен, если бы пошлину на него, в общем тарифе положенную, сравнять с Кяхтинскою; Забайкальские жители, вместо кирпичного чая, стали бы пить ими собираемые травы, для здоровья не меньше полезные; а сообщение Сибиряков с Российскими городами распространилось бы непременно.

Но с другой стороны возобновление торга на Кяхте возвысит цену на мягкую рухлядь и распространит обилие между питающимися звериным промыслом, размножит

кожевенное рукоделие в Иркутске, размножит плавание по Байкалу и рекам Сибирским, даст пропитание питающимся извозом, гостеприимством, удесятерит обращение денег в Иркутске, доставит казне знатной годовой доход, доставит многому маломочному купечеству надежное пропитание, даст дешевую и прочную одежду не токмо Сибири, но и России, и подешевеет вожделенное всеми питие – чай, Забайкальские жители завтракать будут затураном и я, хотя не совсем одобряю торг сей, иногда невыгодный, охотно выпью несколько чашек чаю в день, лучшего, нежели ныне. Но что всего важнее, Иркутск, будучи теперь истинным центром Сибирский торговли, будет распространяться паче и паче, и если можно проницать слабыми нашими взорами в будущее, он по положению своему определен быть главою сильныя и обширныя области.

Противовеся все выгоды и неудобства, случающиеся при торге Кяхтинском, так, как и при всяком другом, не возьму на себя сделать заключение в ту и другую сторону; и тем паче, что я для надежного о сих материях суждения недовольно жил в Иркутске, а Кяхты совсем не видал. Итак, все мною сказанное примите мимоходящими только рассуждениями, а не достоверными следствиями верных посылок. Если время переменит что либо в отношении Кяхтинского торга, то, признав истину, не постыжуся сказать: я заблуждал.